

На правах рукописи

Букатова Дарья Михайловна

**ФОРМИРОВАНИЕ ЖЕНСКИХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ТИПОВ В
ХРИСТИАНСКОЙ КУЛЬТУРЕ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И ПРАКТИКИ ИХ СОЦИАЛЬНОГО
КОНСТИТУИРОВАНИЯ**

Специальность 24.00.01- теория и история культуры
(культурология)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата культурологии

- 8 НОЯ 2012

Москва – 2012

Диссертация выполнена на кафедре философии, культурологии и политологии АНО ВПО «Московский гуманитарный университет»

Научный руководитель: доктор философских наук,
доктор культурологии, доцент
Костина Анна Владимировна

Официальные оппоненты: **Козьякова Мария Ивановна**
доктор философских наук, профессор,
ФГБОУ ВПО «Высшее театральное училище
(институт) им. М.С. Щепкина при
Государственном академическом Малом театре
России», кафедра философии и культурологи,
профессор

Данчевская Оксана Евгеньевна
кандидат культурологии, доцент,
ФГБОУ ВПО «Московский педагогический
государственный университет»,
факультет иностранных языков, кафедра
английской фонетики, доцент

Ведущая организация: **ФГБНИУ «Российский институт
культурологии»**

Защита диссертации состоится 19 ноября 2012 г. в 15.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.154.14 при ФГБОУ ВПО «Московский педагогический государственный университет» по адресу: 119571, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 88, ауд. 826 а.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУ ВПО «Московский педагогический государственный университет» по адресу: 119991, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1.

Автореферат разослан «18» октябре 2012 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

 Горяинова Ольга Ивановна

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Актуальность темы исследования обусловлена значимостью вопроса о создании социальных условий для наиболее полной реализации природных способностей мужчин и женщин, как необходимого условия развития современного демократического общества. Очевидно, что достижение этой цели сопряжено не только с законодательным обеспечением равноправия, но и с необходимыми преобразованиями в ценностной сфере. Безусловно, активность женщины в науке, культуре, политике, экономике возрастает, но на бытовом уровне многие предрассудки продолжают воспроизводить представления о ней, наиболее подробно осященные в литературном наследии Средневековья. Все они – о низких способностях женщины к интеллектуальной деятельности, о присущих «женской природе» непрофессионализме, незрелости, пассивности, о невозможности развития женских достоинств вне контроля со стороны мужчины – препятствуют объективному восприятию её роли в современном мире. И если в рамках средневековой культуры такие представления были связаны с социально значимыми функциями, которые женщина выполняла в специфическом культурном пространстве той эпохи, то сегодня они, скорее, препятствуют реализации женского потенциала в различных сферах социокультурной жизни и, как следствие, ведут к потерям в потенциальном уровне человеческого развития.

В исследованиях медиевистов женщина, рассматриваемая вне профессионального, экономического статуса, классовой принадлежности, но, главным образом, с точки зрения её функциональной предназначенности, как правило, не является объектом внимания. Вместе с тем, Средневековые предоставляет нам наиболее полно разработанные теоретические построения о предназначении женщины, позволяющие рассмотреть их в соотношении с функциональной предназначенностью женщины в рамках исследуемой культуры. Именно поэтому представляется необходимым осмысление данной проблемы на новом теоретическом уровне с учетом предыдущего опыта ее изучения в мировой и отечественной философской и культурологической литературе. Также наполняется актуальностью сама постановка вопроса о том, как на основании представлений о женщине формируются практики её социального конституирования, обусловленные объективной необходимостью культуры в тех или иных специфически женских функциях.

Степень научной разработанности проблемы. Тема исследования объединяет целый ряд проблем, связанных с социальным функционированием женщины в эпоху Средневековья и его отражением в многочисленных работах теологов, ученых, писателей – как представителей данной эпохи, так и наших современников.

Источниковая база для изучения средневековых представлений о женщине достаточно обширна. В данном исследовании она представлена работами Августина Блаженного, Иеронима, Иоанна Кассиана, Филиппа Новарского, Эгидия Римского, Винченца из Бове, рыцаря Жоффруа Де ла тур Ландри,

доминиканских монахов Якова Шпренгера и Генриха Инститориса, гуманистов Джованни Боккаччо, Кристины Пизанской, Изотты Ногаролы, средневековыми фавлю и сборником новелл «Пятнадцать радостей брака».

Основой для рассмотрения особенностей средневековой картины мира послужили труды известных учёных медиевистов А.Я. Гуревича и Ж. Ле Гоффа. Всесторонние исследования роли женщины в культуре западноевропейского Средневековья проведены Э. Пауэр, Т.Б. Рябовой, Ш. Шахар, Дж. Беннет, коллективом авторов, принявшим участие в создании энциклопедии «Women and Gender in Medieval Europe». Исследованию представлений о женской природе и предназначении женщины в трудах отцов церкви и схоластов посвящена работа С. Жеребкина, в труде В. Успенской проанализирована попытка теоретической реабилитации женщин, предпринятая Кристиной Пизанской.

Для исследования женских образов Библии, существенно повлиявших на формирование представлений о женщине в рамках теоцентричной культуры Средневековья, привлечены тексты книг Ветхого и Нового Заветов. Роль библейских героинь в формировании средневековых представлений о женщине исследуется в труде Ж. Даларена. Работа Э. Дин предоставляет биографический материал о трехстах библейских героинях, К.Л. Янсен посвящает свое исследование Марии Магдалине.

Обширную базу для изучения роли женщины в рамках института семьи предоставляют многочисленные исследования семьи и брака на средневековом Западе. Среди них - работы Ю.Л. Бессмертного, А.Л. Ястребицкой, Ф. Гис и Д. Гис, С. Веккьо. Отдельные части исследований, посвященных различным аспектам средневековой культуры, также помогают нам воссоздать картину брачно-семейных отношений в рассматриваемый период. Таковы труды К. Оптиц, П. Л'Эрмит-Леклер, М. Оссовской и М. Дефурно.

В работах И. Блоха и Е. Сурты проанализирован феномен проституции на средневековом Западе. Об изменениях в статусе блудницы в период позднего Средневековья пишет К. Норберг.

История религиозного служения женщин в средневековой Западной Европе исследуется в работах Л. Экенштейн, С. Фоне-Вампл, Д. Ренье-Болера.

Историко-философское исследование Симоны Де Бовуар охватывает весь комплекс проблем, связанных с женщиной.

В работе привлекается значительное число работ, связанных с проблемой картины мира как интегральной характеристики культуры - В.Г. Архипкина, В.С. Жидкова, В.Б. Касевича, Т.Ф. Кузнецовой, К.Б. Соколова, В.С. Степина, В.П. Тимофеева.

Несмотря на значительное число работ, посвященных теме женщины в эпоху Средневековья, проблема формирования женских социокультурных типов в средневековой западноевропейской культуре и практики их социального конституирования, остается открытой. На восполнение этого пробела и претендует данная работа.

Объект исследования – доминирующие в культуре Средневековья представления о женщине.

Предмет исследования – практики социального конституирования женщины в культуре Средневековья.

Цель данного исследования – выявление базовых женских социокультурных типов, сопряженных с практиками социального конституирования женщины в рамках культуры западноевропейского Средневековья. Реализация поставленной цели достигается посредством решения следующих задач:

- выявить опосредованность восприятия женщины особенностями картины мира человека западноевропейской культуры;
- определить роль библейских образов Евы, Девы Марии и Марии Магдалины в формировании средневековых представлений о природе и предназначении женщины;
- проанализировать причины формирования проблемы женской природы и женского предназначения в средневековой мысли;
- выявить ряд оправдательных схем природы женщины, сложившихся в средневековой интеллектуальной традиции;
- выделить основные женские социокультурные типы, сформировавшиеся в западноевропейской средневековой культуре;
- определить базовые функции и характеристики женского социокультурного типа, сопряженного с институтом семьи и брака;
- выявить основные функции и доминанты женского социокультурного типа, связанного с институтом монашества;
- выделить ключевые функции и особенности женского социокультурного типа, сопряженного с институтом внебрачных сексуальных отношений.

Теоретической и методологической основой диссертационного исследования являются фундаментальные идеи и концепции, изложенные в трудах как отечественных и зарубежных классиков, так и современных ученых в области культурологии, философии, истории, социологии, – Дж. Беннет, Ю.Л. Бессмертного, Ж. Ле Гоффа, А.Я. Гуревича, Э. Пауэр, Т.Б. Рябовой, Й. Хейзинги, А.Л. Ястребицкой и других. Для исследования оказались полезными идеи П. Сорокина об идеациональной культуре западноевропейского Средневековья, а также М. Фуко и его интеллектуальных последователей о связи производства знания с проблемой власти и о сущности процесса проблематизации. Ведущая методология исследования связана с пониманием культурологии как интегративной науки, позволяющей учитывать достижения различных сфер гуманитарного знания, а также как науки комплексной. Одним из принципов исследования является восприятие самой культуры как сложного системного объекта, обладающего высокой степенью сложности и распадающегося на множество столь же сложных подсистем. Этот подход позволяет рассматривать сложившиеся в Средневековье женские социокультурные типы как культурно обусловленные и функционирующие в границах различных систем.

Основными методами данной работы стали: *метод историко-культурной реконструкции*, позволяющий определить социокультурный контекст изменений в восприятии женщины на протяжении исследуемого периода; *компаративный подход*, способствующий выделению общего и особенного в сопоставляемых феноменах; *аксиологический*, позволяющий анализировать женские социокультурные типы в ценностном пространстве и выявлять внутренние и внешние связи между базовыми ценностями в средневековом обществе; *типологический*, с помощью которого в диссертации были выделены основные женские социокультурные типы; *герменевтический метод*, примененный для исследования женских образов в средневековой литературе; метод *контент-анализа*, позволяющий выявить, обобщить и систематизировать ту обширную историко-культурологическую информацию, которая представлена в монографиях, аналитических статьях, научных докладах, диссертационных работах.

Гипотеза исследования.

Гипотеза исследования строится на предположении о том, что внутренняя противоречивость средневековых представлений о природе и предназначении женщины была сопряжена с необходимостью выявления оснований для включения её, описываемой преимущественно в терминах несовершенства, в общественный порядок. Эта необходимость обуславливалась потребностями средневековой культуры в ряде специфически женских функций и реализовывалась посредством практик социального конституирования женщины, позволяющих легитимировать женский опыт и женское предназначение и создавать условия для реализации женщиной её функциональной предназначенности в границах средневековой культуры.

Научная новизна работы состоит в следующем:

- продемонстрирована обусловленность представлений о женщине особенностями средневековой картины мира: теоцентризмом, универсализмом, традиционализмом, иерархизмом, символизмом, двумирностью и дидактизмом;
- представлена социокультурная модель: Ева - Мария Магдалина - Дева Мария, отражающая включение женщины в общественный порядок западноевропейского Средневековья;
- выявлена основная причина формирования проблемы женской природы и женского предназначения в западноевропейской средневековой культуре: амбивалентность в отношении к иррациональному, чувственному, телесному и ассоциируемой с ними женщиной в средневековой интерпретации христианского учения;
- выделены идеи об андрогинности души и о женском несовершенстве как богоустановленном, используемые в большинстве оправдательных схем природы женщины в средневековой мысли;
- на основе функциональных характеристик женщины, реализуемых ей в рамках культуры западноевропейского Средневековья, выделены следующие социокультурные типы: жена, блудница, монахиня;

- определена специфика социального конституирования женщины посредством институтов семьи, внебрачных сексуальных отношений, монашества.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Восприятие женщины в рамках культуры Средневековья определялось особенностями картины мира. Теоцентризм и традиционализм делали ссылку на текст Писания важнейшим аргументом в любых рассуждениях о женщине; символизм обуславливал необходимость поиска библейских прообразов земных женщин; двумирность определяла выбор в качестве основных прообразов противоположных по своему ценностному содержанию персонажей - Еву и Деву Марию; дидактизм побуждал наделять библейских героинь моральными качествами; универсализм - транслировать эти качества на всех земных женщин; иерархизм делал принижённое положение женщины относительно мужчины непреодолимым.

2. Включение женщины в общественный порядок западноевропейского Средневековья отражает социокультурная модель, в которой образы Евы и Девы Марии, принадлежащие символическому пространству идеального, взаимоувязаны и уравновешены через образ Марии Магдалины, принадлежащий реальному пространству повседневности. Принципиальным является то, что только совокупность этих образов позволяла включить женщину в социокультурные отношения. При этом, Ева служила напоминанием о множественных пороках женской природы: гордыне, неводержанности, неразумности, легкомыслии; Дева Мария демонстрировала возможность безграничного совершенствования женщины, воплощая умеренность, замкнутость, стыдливость, внимание, благоразумие, робость, честь, усердие, целомудрие, послушание, смирение, веру; Мария Магдалина олицетворяла возможность следования по пути от грешной природы к высотам святости и совершенства, который пролегает через покаяние и епитимью, обуздание греховной плоти, кроме того, деятельное стремление Марии Магдалины к искуплению грехов, к богоугодности до некоторой степени легитимировало женскую активность, выступало оправданием практического включения женщины в социум, при условии, что оно служило укреплению установленного Церковью и государством порядка.

3. Основной причиной формирования проблемы женской природы и женского предназначения в средневековой мысли послужила противоречивость в отношении к иррациональному, чувственному, телесному и ассоциируемой с ними женщиной. В христианской философии античная оппозиция тела, чувственного, иррационального, пассивного, репрезентируемых женским началом, и разума, духовного, рационального, активного, ассоциируемых с мужским, продолжает свое существование, но утрачивает однозначность. Средневековая интеллектуальная традиция порицает сексуальную чувственность, но объявляет чувственность, сопряжённую с религиозным переживанием, не менее важной, чем разум в постижении Божественных смыслов. Новый Завет призывает не касаться

женщины, Ветхий Завет наставляет плодиться и размножаться, сама женщина выступает главной героиней в эпизодах и грехопадения, и вочеловечивания Иисуса. Духовенство, представленное мужчинами, жизнь которых отягощена целибатом, ощущает опасность соблазна, который таит в себе дочери Евы, но движимое христианскими чувствами, преклоняется перед Девой Марией и не может утвердиться в своем презрении к женскому полу. Таким образом, противоречивость в отношении к женщине остро ощущается главными производителем знания о женщине – клиром – уже на уровне повседневного опыта. Эти противоречия превращают вопрос о природе и предназначении женщины в предмет напряженной культурной рефлексии, инициируя поиск новых смыслов и интерпретаций.

4. В интеллектуальной традиции западноевропейского Средневековья амбивалентность отношения к женщине, описываемой в терминах несовершенства, выражалась в формировании особых оправдательных схем женской природы. Наиболее распространенным способом её теоретической реабилитации стали используемые в большинстве оправдательных схем утверждения об андрогинности души, игнорирование связи женщины со своим полом (Августин, Амвросий, Иероним, К. Пизанская); о признании женщины существом несовершенным, по замыслу Бога, ее проступков, в связи с этим, - простительными, а ее подчинения мужчине - закономерным (Ф. Аквинский, Х. Бингенская, И. Ногаролла).

5. В христианской средневековой культуре выделены основные социокультурные типы женщин, основанные на её функциональных характеристиках, и способы их включения в общественные практики. *Жена* характеризовалась как женщина, сумевшая под контролем супруга с помощью смирения, стыдливости, трудолюбия обуздать свои порочные женские склонности. Её включение в средневековый социум осуществлялось посредством института брака, в рамках которого она выполняла свою основную функцию - поддержку мужчины в границах приватной сферы - помощь в спасении души, продолжении рода, ведении хозяйства. *Блудница* рассматривалась как необходимое социальное зло. Блудницы включались в социум через институт внебрачных сексуальных отношений, их основной функцией было регулирование сферы сексуального. Они не позволяли сексуальным притязаниям мужчин разрушать социальные и семейные устои христианского общества, а также исполняли пассивную посредническую роль в осуществлении контроля над сферой сексуального со стороны государства и Церкви. *Монахиня* выступала как женщина, отринувшая ценности земного мира и сосредоточившая все свои помыслы и устремления на Боге. Включенная в социум посредством института монашества, она выполняла свою основную функцию по обеспечению актуализации сферы сакрального - представляла собой эталон благочестия для женщин и демонстрировала справедливое воздаяние за богоугодный образ жизни не только на Небе, но и на земле, где обладала рядом прав, не доступных большинству мирянок.

6. В период позднего Средневековья с нарушением функций, установленных для женщины соответствующим институтом, социокультурный тип, функционирующий в его границах, теряет социальное признание. *Роль жены* перестает рассматриваться как однозначно положительная, когда в период позднего Средневековья происходит изменение функций супругов в браке, социальная гегемония мужа утрачивает аксиоматичность. Ремесло *блудниц* осуждается как свидетельство падения нравов, а в их отношении предпринимается ряд репрессивных мер, когда во второй половине XV в. публичные женщины начинают покидать муниципальные бордели, демонстрируя стремление выйти из системы. Социальный престиж роли *монахини* существенно понижается, когда в период позднего Средневековья обитательницы монастырей перестают осуществлять свою основную функцию, пренебрегая религиозными обязанностями и аскетичным образом жизни. Нарушая установления институтов, соответствующих их функциональной предназначенности, женщины демонстрируют стремление к свободе в её гуманистическом понимании – свободе, сопряженной с независимостью и духовной автономностью, приходящей на смену средневековой, отождествляемой с легитимностью. Эти процессы знаменуют переход к качественно новой эпохе Возрождения.

Достоверность научных результатов исследования обеспечивается теоретической обоснованностью основных положений диссертации; апробацией основных положений работы на международных научных и научно-практических конференциях; в научных публикациях автора, в том числе, 3, включенных в список ВАК; во внедрении результатов исследования в преподавание в МосГУ базовых учебных дисциплин «История культуры», «Культура повседневности», «История и теория искусства».

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что выводы и положения данной работы способствуют более полному и системному освещению истории взаимоотношений женщины с институтом церкви, её роли в брачно-семейных отношениях, репрезентации женских образов в литературе. Основные положения данной работы также могут выступать в качестве теоретической и методологической базы для изучения процессов формирования женских социокультурных типов и их обусловленности спецификой исследуемой культуры.

Практическая значимость данной работы заключается в том, что её основные положения и выводы могут быть востребованы при реализации образовательных программ подготовки специалистов: культурологов, историков, социологов. Материалы диссертационного исследования могут использоваться в подготовке учебно-методических пособий и в лекционных курсах «Теория и история культуры», «Культура повседневности», «Культура западноевропейского Средневековья».

Соответствие диссертации паспорту научной специальности.

Диссертационное исследование, посвящённое выявлению базовых женских социокультурных типов, сопряженных с практиками социального

конституирования женщины в рамках христианской западноевропейской средневековой культуры, соответствует п. 3 «Исторические аспекты теории культуры, мировоззренческие и ментальные аспекты теории культуры»; п. 12. «Механизмы взаимодействия ценностей и норм в культуре»; п. 17. «Компоненты культуры (наука, мораль, мифология, образование, религия, искусство)»; п. 20. «Культура и субкультуры. Региональные, возрастные и социальные ориентации различных групп населения в сфере культуры»; п. 33. «Институты культуры и их функции в обществе» паспорта специальности 24.00.01 - теория и история культуры (Исторические науки, искусствоведение, культурология).

Апробация диссертационного исследования.

Основное содержание и выводы диссертации изложены в 7 научных публикациях автора (в том числе, 3 статьи в журналах, входящих в перечень изданий, рекомендованных ВАК).

Результаты исследования излагались автором в выступлениях на научных и научно-практических конференциях: XVI научной конференции аспирантов и докторантов (Москва, МосГУ, 2010); научно-практической конференции «Групповая идентичность в истории и культуре: этнос, религия, социальный организм» (Москва, МосГУ, 2011 г.); на секции «Высшее культурологическое образование» в рамках VIII Международной научной конференции «Образование для XXI века» (Москва, МосГУ, 2011).

Результаты диссертационного исследования использованы при чтении лекционных курсов «История мировой культуры», «Теория и история культуры повседневности зарубежных стран», «История и теория искусства» подготовленных на кафедре философии, культурологии и политологии АНО ВПО «Московский гуманитарный университет».

Структура диссертации обусловлена логикой исследования и раскрытия темы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновываются актуальность и новизна темы исследования, обозначаются предмет исследования, степень его разработанности, раскрываются методологические основания работы, формулируются цель, объект, предмет и задачи исследования, положения, выносимые на защиту, определяются теоретическая и практическая значимость, предоставляются формы апробации исследования.

Первая глава - «**Представления о природе и предназначении женщины в интеллектуальной традиции западноевропейского Средневековья**» - посвящена сложившимся в рамках средневековой культуры представлениям о женщине и факторам, обусловившим их формирование.

В параграфе 1.1.- «Женщина в средневековой картине мира» - исследуется средневековая картина мира, понимаемая как мировоззренческий образ мира, определяющий процесс формирования представлений о женщине в исследуемой культуре. *Геоцентризм* средневековой картины мира определял целостность мировосприятия средневекового человека. В рамках западноевропейского христианского общества любые вопросы решались с позиции религии, а сам средневековый человек соотносил себя с библейскими образами, ряд которых был использован для создания поведенческих моделей. Так Сара демонстрировала поведение, приличествующее хорошей жене. Истории других библейских героинь - Евы и Девы Марии - служили объяснением места женщины как таковой в системе мироздания. Эти персонажи соотносились с образами земных женщин как символ и символизируемое, означающее и означаемое.

Символ занимал важное место в средневековой картине мира, он выражал невидимое и умопостигаемое через материальное, а *символизм* был одной из основных особенностей средневекового мировоззрения и характерным для Средневековья средством интеллектуального освоения действительности. Предполагалось, что каждая земная вещь имела прообраз, обращение к которому помогало раскрыть её подлинный смысл. В связи с этим женщина, вслед за Девой Марией, могла представляться средневековому человеку созданием совершенным, идеальным. В то же время, идеальность Девы Марии описывалась через те качества, которые виделись особенно ценными в земных женщинах. То же обоюдное влияние символа и символизируемого прослеживается и в образе Евы. С одной стороны, патриархатная традиция представляла Еву как средоточие пороков и главную виновницу грехопадения, с другой стороны, в сознании средневекового человека женщина - вслед за прародительницей - наделялась качествами, которые, как полагалось, предопределили первородный грех и заставляли земных женщин искушать мужчин.

Смысл, который заключал в себе средневековый символ, не мог быть нейтральным. В средневековой картине мира в целом не существовало этически нейтральных вещей, каждая, даже самая незначительная, представлялась воплощением значительной идеи. Это обуславливалось, во-первых, *дидактизмом* средневековой культуры, побуждавшим христианских мыслителей, опираясь на текст Писания, наделять библейских героинь определенными моральными качествами в целях их последующей ретрансляции; во-вторых, *иерархизм* средневековой культуры, в рамках которой любая идея или явление были соотношены с конфликтом добра и зла и на основании этого занимали свое место в иерархии относительно её вершины – Бога – как высшего Блага и высшей Ценности. Иерархии пронизывали все сферы жизни средневекового человека. Властная иерархия на земле, предполагающая главенство

мужчины, была незыблема, «ибо прежде создан Адам, а потом Ева»¹. Иерархичность была присуща и женскому сообществу, где, к примеру, Церковь установила иерархию форм добродетели целомудрия для своих прихожанок, разделив их на дев, вдов и замужних. В социальной женской иерархии девам соответствовали королевы, находящиеся на её вершине. Принадлежность к подобного рода группам, которые, как правило, одновременно являлись ступенями той или иной иерархии, определяла индивида скорее, чем его личностные качества.

Это было связано, в том числе, с *универсализмом* как характерной особенностью средневекового мировоззрения. Идеи о религиозном единстве мира, о Боге – как универсальном начале, христианах – как общности единоверцев – предполагали преобладание универсального над индивидуальным, типичного – над частным. Максимальная включенность в социальную группу, в богоустановленный порядок, следование принятому стандарту поведения были высшей общественной добродетелью. Индивидуальность же виделась противоречащей христианским образцам. Представления о женщине в свете средневекового универсализма было мало связано с реальным опытом – женщина воспринималась не через индивидуальное, а через общее, присущее женщинам вообще вслед за праматерью, которая олицетворяла собой женскую природу и свойственные ей пороки. Представления о дочерях Евы также дополнялись некоторыми характеристиками в зависимости от принадлежности женщины к той или иной социальной группе.

Еще одной важной чертой средневекового мировосприятия была *двумирность*. Миры земной и божественный виделись одинаково реальными. Они были слиты воедино, но, в то же время, постоянно противопоставлялись. В мире средневекового человека промежуточных ступеней между абсолютным добром и абсолютным злом не существовало. Такое разделение господствовало во всех сферах жизни: социальной, моральной, политической. Двумирность обусловила выбор в качестве прообразов для земных женщин противоположные по своей оценочной нагрузке образы Евы и Девы Марии.

Роли этих библейских образов в формировании средневековых представлений о женщине, и в социокультурной модели, которую они составляли вместе с образом Марии Магдалины, посвящен *параграф 1.2. - «Библейские образы Евы, Девы Марии и Марии Магдалины в социокультурной модели включения женщины в общественный порядок средневекового Запада»*.

Постижение природы и предназначения женщины средневековые мыслители, традиционно, начинали с противопоставления образов Евы и

¹ Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. - М.: Российское Библейское Общество, 2008 г. - 1 Тим. 2:13. - С. 1301.

Марии; два эпизода из жизни праматери определяли представления о ней и женской природе, которую она олицетворяла: сотворение человека и грехопадение. Те, кто постулировал несовершенство женщины и утверждал закономерность её подчиненного положения, традиционно ссылались на вторую главу Книги Бытия, согласно которой женщина была создана после мужчины, для него и из его ребра. Авторы «Молота ведьм» также добавляли, что для сотворения её не случайно было взято кривое – грудное ребро, которое как бы отклоняется от мужчины. Традиционно именно на праматерь возлагалась большая часть вины за грехопадение. Поскольку первородный грех трактовался как победа телесного, отождествляемого с женским началом, над духовным, ассоциируемым с мужским, обвинение Евы было неизбежным. Доказательством вины праматери служило и то, что именно ей было определено более суровое наказание: в муках рожать детей, иметь влечение к мужу и быть у него в подчинении. Нападки на Еву особенно усилились со страхом перед искушением, которое несет женщина, в период ужесточения celibата в XI-XII вв. Ева соблазнила мужчину, она, а вслед за ней и все женщины, именуемые в средневековой литературе «Евино семя», «Евино племя», представлялись опасными искустельницами и обвинялись в гордыне, легкомыслии, неводержанности, неразумии. Именно в этих качествах, приписываемых Еве, и, как следствие, всем женщинам, видели причины её преступления.

В теории женская природа отчасти реабилитировалась Девой Марией. Её священное Материнство, ключевая роль в вочеловечивании Иисуса служили искуплением греха Евы. Однако реабилитация эта была весьма условной, средневековые авторы всячески подчеркивали исключительность Марии, образ которой не заслонял образ Евы, а, скорее, уравновешивал его. Непорочная Дева сочетала в себе умеренность, замкнутость, стыдливость, внимание, благоразумие, робость, честь, усердие, целомудрие, послушание, смирение, веру. Земным женщинам предписывалось, следуя Её примеру, воспитывать в себе эти добродетели. Однако Мария всегда оставалась для дочерей Евы недостижимым идеалом. Четыре основных догмата, связанных с Ней (включая те, которые были приняты Церковью только в XIX-XX вв.), служили предметом напряженного осмысления, начиная с раннего Средневековья (Мария – Богородица, Дева, непорочно зачатая, вознесшаяся после смерти) и возносили Её на недостижимую для земных женщин высоту. Это стало особенно очевидным в XI-XII вв., когда широкое распространение культа Девы Марии, происходившее на фоне все более непримиримых нападок на Еву, сделало путь от женской природы к женскому идеалу непреодолимым.

Смягчению этой амбивалентности в оценке женщины служил образ раскаявшейся грешницы Марии Магдалины. Мария Магдалина, почитаемая в Западной Церкви, не упоминается в Библии. На Западе она представляет собой образ, составленный из трех, упомянутых в Писании – Марии из Магдалы, из которой Иисус изгнал семь бесов и которая первой узнала о Его Воскрешении; сестры Марфы и Лазаря Марии из Вифании и грешницы, которая в доме

Симона Фарисея омыла ноги Христа слезами, отерла своими волосами и умастила миром. Примечательно, что грех женщины, избранный, в качестве модели поведения, был типично женским – грехом плоти. Особая роль, которую получила Мария Магдалина в христианском учении, во многом определялась её компенсирующей ролью в истории Спасения, то есть ее роли в качестве противопоставления Еве. Первая женщина стала причиной грехопадения, а Мария Магдалина, символизовавшая женский пол, возвестила о воскресении. Как и Дева Мария, Мария Магдалина олицетворяла новую Еву: Непорочная Дева принесла человечеству Спасение, породив Христа, а Мария Магдалина, принесящая весть о Его Воскресении, возвестила о близости Спасения. Принцип подобия требовал, чтобы проступок одной грешницы – Евы, был искуплен другой. Для этой роли Непорочная Дева – средоточие всех добродетелей – подходила мало; грех праматери искупила раскаявшаяся грешница – Мария Магдалина. Магдалина также демонстрировала модель поведения, характерную для женщин, грешных от природы – вслед за праматерью. Через покаяние, епитимью, через умерщвление греховной плоти она достигала высот, сопоставимых только с теми, что были доступны Деве Марии. Кроме того, если в истории Евы активность приводила женщину к греху, активность Магдалины была деятельным стремлением к искуплению грехов, к богоугодности. Таким образом, Мария Магдалина до некоторой степени легитимировала женскую активность. Её история могла выступать оправданием практического включения женщины в социум, при условии, что оно служило укреплению установленного порядка, было направлено на реализацию функций, предписанных женщине Церковью и государством.

Три эти образа представляли социокультурную модель, отражающую включение женщины в общественный порядок западноевропейского Средневековья. Женщина, помнящая о множественных пороках Евы, осознавала свое место в земной иерархии. Однако, под контролем Церкви – наместницы Бога на земле – она должна была, как Магдалина, бесконечно каяться и умирять свою греховную плоть, а также проявлять практическую активность в стремлении к богоугодности, к абсолютной добродетели, которую олицетворяла Дева Мария.

В параграфе 1.3. - «Мизогония и способы оправдания женщины в интеллектуальной традиции западноевропейского Средневековья» - исследуется процесс формирования проблемы женской природы и женского предназначения в средневековой интеллектуальной традиции. Противоречивость в отношении к иррациональному, чувственному, телесному и ассоциируемой с ними женщиной в средневековой интерпретации христианского учения, привели к постановке вопроса, оформившейся еще в античности, темы женской природы и женского предназначения. Духовенству - основному производителю знания по этому вопросу - женщины виделись дочерьми порочной Евы, опасным источником соблазна. Однако образ Девы Марии не позволял клирикам окончательно утвердиться в своем презрении к

женскому полу. В их трудах, задавших тон в осмыслении «женского вопроса», рассуждения о пороках и закономерности подчиненного положения женщин перемежались с попытками оправдать их, включить в систему мироздания и в социум. Это привело к формированию типологии оправдания женщины в средневековой мысли:

В философии Августина Аврелия женщина, как существо, наделенное полом, отождествляется с греховной чувственностью, которая препятствует единению с Божественным началом. Однако оправданием женщины служит то, что *душа её так же, как и мужская, сотворена по образу и подобию Бога*, а значит, наделенная разумом и способная испытывать религиозное чувство, женщина может рассчитывать на Спасение. Женская природа, унаследованная от праматери, также до некоторой степени оправдывается Августином, который в своих рассуждениях о первородном грехе обращается к *вопросу о свободе воли, исключающей манипуляцию мужчиной в истории грехопадения*. Представление о том, что душа женская равна душе мужской, также, до некоторой степени, оправдывает женщину, с точки зрения Иеронима Стридонского и Амвросия Медиоланского. Отцы церкви утверждают, что, отказавшись от того, что связывает её со своим полом на земле, *через девственность, женщина может стать равной мужчине* и рассчитывать на Спасение. В философии схоластов, и в частности Фомы Аквинского, женщина рассматривается как творение несовершенное, созданное исключительно для помощи мужчине в продолжении рода. Такое представление о ней позволяет *оправдать существование женщины через признание за ней функции, необходимой для реализации божественного плана – деторождения*, а также невозможности существа несовершенного и уступающего мужчине во всем, играть решающую роль в любом акте, в том числе в грехопадении.

Оправдательная схема, предложенная Хильдегардой Бингенской, основывается на представлении о том, что *женская слабость и несовершенство – святое установление Господа*, в этой связи автор даже находит положительные моменты в том, что в Эдемском саду именно женщина первой поддалась искушению, ведь *если бы искушению поддался более совершенный Адам, достичь Спасения было бы невозможно*. Изотта Ногарола воспроизводит некоторые из уже существующих оправдательных схем: она, как и Августин, говорит о свободе воли Адама, и вторит Хильдегарде Бингенской, оправдывая женщину врожденной слабостью. Гуманистка также утверждает, что *проступок Евы не так существенен, как непослушание Адама*, ведь именно мужчине Господь давал предписание не вкушать от дерева познания, кроме того, праматерь поддавалась искушению змея, которого называют «мудрым», а мужчина не устоял перед словами несовершенной женщины. В рассуждениях Ногаролы появляется также новый, типично гуманистический мотив о том, что *вкусить запретный плод праматерь заставила не гордыня, а жажда знания*. Боккаччо в качестве оправдания женщине ссылается на *примеры наиболее выдающихся из них*, не забывая, однако, подчеркнуть, что таковые являют собой исключения из правил.

Наиболее развернутую систему оправданий для женщин предлагает Кристина Пизанская. Некоторые её построения схожи с теми, которые озвучивали предшественники и современники. Так Кристина вслед за Боккаччо приводит примеры достойных выдающихся женщин, она также находит положительные стороны в проступке Евы, хотя и делает это способом, отличным от предложенного Хильдегардой Бенгинской. Кристина говорит о том, что, если бы Ева не совершила своего проступка, *невозможен был бы и акт воцеловечевания Бога*. Особый интерес представляет оправдательная схема, основанная на утверждении о том, что представления о женщине определяются *установками патриархального общества, а не её личностными качествами и деяниями*. Кристина утверждает, что не половые отличия должны быть основой для сравнения людей, но их добродетельность.

В заключение параграфа отмечено, что в большинстве рассмотренных схем использовано или оправдание женщины через утверждение об андрогинности души и игнорирование связи женщины со своим полом (Августин, Амвросий, Иероним, К.Пизанская); или признание женского несовершенства замыслом Творца, проступков женщины, в связи с этим, простительными, а подчинения её мужчине закономерным (Ф. Аквинский, Х. Бингенская, И. Ногаролла).

Вторая глава исследования - «Женские социокультурные типы в западноевропейской средневековой культуре» - посвящена выявлению основных женских социокультурных типов и практик социального конституирования женщины, обусловивших их формирование, а также тесно связанному с ними вопросу о свободе, отождествляемой с легитимностью до периода Позднего Средневековья, и ассоциируемой с независимостью в рамках гуманистической идеологии в конце эпохи.

В Параграфе 2.1. - «Практики социального конституирования: «жена» как социокультурный тип» - выделяются различные женские социокультурные типы в западноевропейской средневековой культуре и анализируется один из них, представленный образом «жены».

Различные типологизации образов средневековых женщин осуществлялись как их современниками, так и исследователями-медиевистами. Средневековые проповедники и моралисты традиционно разделяли свою аудиторию на дев, вдов и замужних. В основании такого различия лежала *стенень целомудрия, вовлеченности в сферу сексуального*. В «Книге о трех добродетелях, или Сокровища города женщин» Кристина Пизанская снабжала женщин советами по выживанию в различных стратах мужского общества, разделяя своих читательниц на *королев, принцесс, высородных дам, придворных благородных дам, женщин буржуазного сословия и простолюдинок*. Многие современные исследователи, следуя традиции, начатой Эйлин Пауэр, выбирают основой для типологизации *классовую принадлежность*.

Нам же наиболее уместной в рамках культурологического исследования, представляется типологизация, основанием которой выступает

функциональная предназначенность женщины в рамках средневековой культуры. Такой подход позволяет выработать схему, пригодную для применения в области исследования культур с различной политической, экономической, классовой системами. В этой связи наша задача сопряжена с выявлением опосредованности представлений о женщине ее функциональной предназначенностью.

Это позволит проследить, как на основании внутренне противоречивых представлений о женщине формировались практики её социального конституирования, обусловленные объективной необходимостью культуры в тех или иных специфически женских функциях. На основании критерия функциональности в диссертации выделены три основных женских социокультурных типа: *монахиня*, актуализирующая сферу сакрального; *блудница*, чьей основной функцией было регулирование сферы сексуального; *жена*, исполнявшая функцию помощника мужчины во всем, что связано с приватной сферой. О функциях средневековой супруги мы можем получить наиболее полное представление - наставлению жен была посвящена внушительная часть дидактического наследия Средневековья. Большая часть подобных трудов появляется в последнее столетие высокого Средневековья.

В период, предшествующий XIII веку, происходило постепенное формирование и укрепление средневековой концепции христианского брака как добровольного нерасторжимого моногамного союза, и оформление малой супружеской семьи. Рассуждения о браке, о должном и недожном в отношениях мужчины и женщины в литературе этого периода были немногочисленны и соотносились, скорее, с христианскими установлениями, чем с реалиями средневековой семьи. К XIII веку, когда концепция христианского брака, изложенная в Писании, была переведена на язык, доступный мирянам, и приспособлена к реалиям Средних веков, в проповедях и дидактических трактатах появился образ средневековой жены. Посредством детально разработанной брачной идеологии, через наставление жен Церкви получила доступ к контролю над брачно-семейной сферой. Женщина попадала под особенно пристальное внимание и в связи с тем, что считалась наименее благонадежным участником брачного союза. Как существо, подчиненное скорее зову плоти, чем разума, её снабжали сводами правил, следуя которым она могла бы из женщины со всеми порочными склонностями, которыми наделила её природа, превратиться в жену с качествами, которые ей настоятельно советовали развивать тракты о семье.

Под покровительством супруга жена должна развить в себе аскетичность, трудолюбие, покорность, смирение и стать, по мере скромных от природы возможностей, помощницей мужу во всем, что связано с приватной сферой: в спасении души, продолжении рода и ведении хозяйства. Идеальная жена должна была активно искоренять в себе те пороки, к которым, по мнению средневековых мыслителей, от природы были предрасположены женщины. Некоторые из этих порочных склонностей, впрочем, не следовало уничтожать. В браке, где женщина всегда находилась под наблюдением и контролем её

недостатки могли быть превращены в достоинства. Так, безрассудная любовь должна была заставить её подчиняться мужу и восхищаться им, несмотря ни на что, а склонность к чувственным наслаждениям помогала вовремя обнаружить и обуздать подобное стремление у дочерей. Литературный образ отражал *изменения в фактическом положении женщины*, которая в этот период получила возможность выступать в социально значимой роли жены – роженицы, воспитательницы малолетних детей и помощницы в хозяйстве. В повседневной жизни она обретала новые права и полномочия, главным образом, в хозяйственно-экономической сфере. К позднему Средневековью круг этих полномочий ещё больше расширился. В частности, у женщин появилось больше возможностей для устройства на работу, что обеспечило им некоторую экономическую независимость. В этот период также произошло разрушение установленных функций и ролей жены и мужа, *социальная гегемония мужа переставала быть аксиоматичной*. Авторы дидактических трактатов XIV-XV вв. напоминали жене о ее обязанностях, еще более подробно описывали их, стараясь исключить любой способ отклонения от должного в браке поведения. В целом, от идеальной жены позднего Средневековья требовали того же, что и от жены XIII столетия, разве что ей следовало быть более покорной мужу и более религиозной. Однако эти призывы к подчинению и более детализированное разъяснение места, отведенного женщинам в семейной иерархии, не оказывало на них должного воздействия, и расширение женских полномочий привело к тому, что называют борьбой за «ношение штанов» в семье. Городская литература конца Средневековья отображала изменение в восприятии жены, функции и полномочия которой больше не соответствовали установленным дидактическими трактатами. Стремясь продемонстрировать читателю иллюзорность семейной идиллии, созданной в литературе их современниками, авторы фавлю и новелл высмеивали образ идеальной жены, институт брака и саму идею о возможности счастливой жизни рядом с лживым, порочным, похотливым, хитрым и одновременно лишенным всякого благоразумия существом – женщиной.

Параграф 2.2. - «Монахиня» как социокультурный тип: актуализация сферы сакрального - посвящен исследованию института женского монашества в средневековой Европе и основным характеристикам и функциям, которыми наделялась женщина в его рамках.

Религиозное служение было одним из наиболее распространенных и престижных занятий для женщины средневековой Европы. Безусловно, многих влекло в монастыри истовое желание посвятить жизнь Богу. Однако существовали и другие причины, делавшие монашеское служение привлекательным. Во-первых, монастырь представлял собой альтернативу замужеству для женщин, которые либо не могли обеспечить себе брачную партию в жестких условиях современного им брачного рынка, либо сознательно стремились избежать брачных уз. Во-вторых, путь религиозного служения мог предоставить возможность для участия в общественной жизни и

определенную независимость. Интеллектуальные авторитеты Средневековья наставляли избравших безбрачие и монашество, описывали радости, которые ждут их в мире ином, противопоставляли их земную жизнь жизни мирянок, отягощенной ярмом супружества. Воспевание идеалов монашеской жизни особенно усилилось с широким распространением культа Девы Марии.

Монахиня занимала *верхнюю ступень в средневековой иерархии земных женщин*. Предполагалась, что отринувшая свою телесность, женщина-монахиня переставала помышлять о греховном, земном и сосредотачивала мысли на Боге, а устремления — на спасении души. Служительница культа актуализировала сферу сакрального, она представляла собой эталон благочестия и демонстрировала справедливое воздаяние за богоугодный образ жизни, которое ждало Христовых невест не только в мире Горнем, но и на земле, где монахиня обладала возможностями не доступными большинству мирянок, в частности: рядом хозяйственно-экономических свобод и возможностью интеллектуального совершенствования. Не случайно именно с монастырями было связано творчество наиболее известных средневековых женщин — ученых, теологов, писателей. Особое место в их ряду занимали женщины-мистики. Ощущая необходимость рассказать об открывшихся им Божественных смыслах и одновременно — невозможность передать женский духовный опыт в терминах доминирующей группы, они создали особенный язык, включающий, помимо слов, невербальные средства, позволяющие включить проблему телесности в религиозную лексику. Свидетельством значимости их вклада в интеллектуальную культуру Средневековья, того что позволяет нам засвидетельствовать прорыв женщин в область производства духовного знания, могут служить исследования, показавшие, что немецкая мистическая традиция опирается на сочинения голландских мистиков — женщин. Примечательно, что сочинения эти часто начинались с изъяснения авторами своего ничтожества — женщины подчеркивали свою строго посредническую роль в передаче Божественных истин, будучи воспитанными своей культурой, они никогда не забывали о месте, отведенном им в средневековой иерархии.

Действительно, высокий престиж социальной роли монахини не отменял того, что души Христовых невест обитали в телах дочерей Евы. В связи с этим Церковь налагала ряд ограничений на участие женщин в отправлении религиозного культа; каждая женская обитель должна находиться под опекой мужского монастыря или ордена. Женскому монашеству вменялась и более жесткая закрытость от внешнего мира, чем мужскому, епископы постоянно предпринимали попытки оградить монахинь от контактов с внешним миром. Попытки эти редко увенчивались успехом. По мере приближения к позднему Средневековью монахини все чаще пренебрегали предписанными им правилами поведения. Это, с одной стороны, было связано с их стремлением отвоевать свою независимость от мужчин, по крайней мере, в рамках религиозной общины, а с другой, обуславливалось тем, что среди обительниц монастырей все меньше оставалось тех, кто ощущал религиозное

служению своим призванием. В период позднего Средневековья женские монастыри были раскритикованы как изысканные клубы для лишних дочерей знати. Уже в XIII в. в сочинениях средневековых авторов можно было обнаружить описания монахинь, ведущих непозволительно светский образ жизни, а в XIV-XV вв. — рассказы о женских монастырях, напоминающих вертепы. Очевидно, для женщин, оказавшихся в монастыре, главным образом, в виду той или иной социальной необходимости, долгие часы, проведенные в молитвах и чтении религиозных книг, были изнурительной рутинной, которую они стремились скрасить запретными мирскими радостями. Их поведение служило ослаблению внутримонастырской дисциплины, интереса к религиозным и ученым занятиям в среде монахинь и способствовало ухудшению отношения к женскому монашеству. Монахиня, пренебрегающая изучением религиозных книг, отправлением религиозных функций, ведущая непозволительно светский образ жизни, уже не могла выполнять функцию, возложенную на неё средневековым обществом.

Упадку монашества в период Позднего Средневековья способствовал также общий кризис феодализма и эпидемии чумы, изменившие условия земледельческого труда, подорвавшие всякую дисциплину и особенно сильно затронувшие бедные монастыри.

В параграфе 2.3. - «Блудница» как социокультурный тип: регуляция сферы сексуального - исследуется развитие феномена проституции в рамках культуры западноевропейского Средневековья, определяются доминанты и функции социокультурного типа «блудница».

Женская проституция была широко распространена на средневековом Западе. Плодотворной почвой для её развития служили: рынок труда, в рамках которого женщинам был закрыт вход в прибыльные отрасли; оживленная торговля рабами, не прекращавшаяся на протяжении всего Средневековья; алкоголизм, весьма распространенный в этот период, а также любовь к странствиям, свойственная средневековому человеку. Отношение к феномену проституции в средневековой Европе было неоднозначным: публичные женщины порицались за распутство, но, в то же время, признавались их важные социальные функции, позволяющие контролировать сферу сексуального. На протяжении тысячелетней средневековой истории отношение общества и Церкви к этому явлению претерпело изменения, которые, согласно мнению большинства исследователей, позволяют говорить о существовании двух этапов в развитии средневековой проституции: до XIII века, когда она существовала вне покровительства официальных властей и Церкви, и после XIII века, когда, узаконенная в большинстве стран, проституция оформилась по цеховому принципу и перешла под контроль государства. В диссертации выделяется — дополнительно к названным — третий этап, относящийся ко второй половине XV века, озаглавленный борьбой с ней.

В период, предшествующий XIII веку, проституция существовала с молчаливого согласия государства и Церкви. Богословы расценивали существование блудниц как свидетельство всего худшего в человеке, как зло,

но зло социально необходимое. Публичные женщины позволяли реализовываться сексуальным притязаниям мужчин, не разрушая при этом социальные и семейные устои христианского общества.

Начиная с XIII века, проституция была институализирована и — наряду с пользой социальной — начала приносить государству существенную экономическую пользу. Блудница теперь воспринималась, прежде всего, как труженица, правда, занятая в «грязной» сфере труда, а к её социально значимым функциям добавилось посредничество в осуществлении контроля над сферой сексуального со стороны государства и Церкви. Посредничество это было строго пассивным. Бордельные уставы не только обеспечивали публичной женщине большую безопасность и защищали её интересы, но и, лишив женщину любой инициативы, превращали ее в товар (а не в «купца», как об этом пишут средневековые авторы). Опасная женская сексуальность полностью переходила под контроль государства и исполнителей его воли в лице бордельных хозяев, большинство из которых было мужчинами. Бордельные уставы как бы отделяли тело женщины от её личности, запрещая отказывать клиентам, угрожая ей, как правило, оторванной от семьи (в бордель рекомендовали брать иногородних женщин), наказанием за эмоциональную близость с мужчиной, запрещая такую инициативу, как самостоятельное привлечение клиентов, и вообще пресекая любые проявления её субъективности, любое поведение, выходящее за пределы экономических отношений, в рамках которых один мужчина на оговоренных условиях продавал её тело другим. Ряд социальных установлений приводил к изоляции и маргинализации публичных женщин: бордели выносили за черту города, а публичным женщины предписывали опознавательные знаки в одежде.

Средневековое общество, в то же время, предоставляло падшим женщинам возможность оставить свое ремесло, чтобы оказаться в одной из двух наиболее одобряемых им ролей — жены или монахини. Церковь объявляла брак с публичной женщиной богоугодным делом и предоставляла раскаявшимся блудницам приют в домах магдалинок, массовое возникновение которых пришлось на XIII век. Однако существенных результатов такая забота не приносила: проститутки часто возвращались к привычному образу жизни.

Во второй половине XV века — отчасти из-за усиления предреформационных настроений в Европе — на смену лояльному отношению к проституции приходит порицание её как преступления против нравственности. Вторая половина XV века ознаменована рядом репрессивных мер в отношении всех форм проституции. Публичные женщины в этот период выходят из-под контроля, не желая подчиняться уставам, они покидают муниципальные бордели, действительно превращаясь в «купцов», торгующих своим телом самостоятельно или через посредство других женщин, и вытесняют мужчин из прибыльного бизнеса. В этот период также происходит рождение нового типа публичной женщины — куртизанки, которая зачастую не просто неподконтрольна мужчине, но и до некоторой степени притязает на

контроль над ним. Таким образом, выходя из системы, в рамках которой они исполняли свою предназначенность, блудницы перестают выполнять свою непосредственную функцию.

В заключении диссертации обобщаются результаты исследования, подводятся его итоги, излагаются выводы.

В рамках христианской средневековой культуры характерные черты картины мира во многом определяли восприятие женщины: её подчиненное положение в социальной иерархии было непреодолимым, а личностные качества заслоняли те, которые приписывались ей вслед за небесными прообразами – библейскими персонажами, наиболее значимые из них – Ева и Дева Мария – были противоположны по своей ценностной нагрузке.

Уравновешенным образом Марии Магдалины, образы праматери и Богородицы, представляли собой пригодную для практического применения социокультурную модель, которая отражала включение женщины в общественный порядок средневекового Запада. Ева служила напоминанием о многочисленных пороках женской природы. Мария Магдалина указывала на модель активного поведения, позволяющую грешной по природе женщине через покаяние и обуздание плоти достигнуть высот святости. Кроме того, её история до некоторой степени оправдывала практическое включения женщины в социум, при условии, что оно служило укреплению порядка, установленного Церковью и государством. Дева Мария демонстрировала безграничность возможного совершенства.

Множественные добродетели Богородицы и бесчисленные пороки Евы выступали главными аргументами в рассуждениях о женщине не прекращающихся на протяжении тысячелетней истории. Амбивалентность в восприятии иррационального, чувственного, телесного и ассоциируемого с ними женщины привела к формированию проблемы женской природы и предназначения в средневековой мысли. Вопрос этот стал предметом культурной рефлексии, постоянного напряженного осмысления. Внутренне противоречивые теории при общей мизогонистической направленности содержали ряд оправдательных схем. Наиболее распространенными оправданиями женской природы служили утверждение об андрогинности души и представление о женском несовершенстве как богоустановленном.

Частично реабилитированная в теории, женщина могла быть включена в общественный порядок. Необходимость такого включения обуславливалась рядом социально значимых в культурном пространстве Средневековья функций, осуществление которых не могло быть возложено на мужчину. Практики социального конституирования женщины, сопряженные со средневековыми представлениями о ней, позволяли женщине реализовывать эти функции в рамках институтов, деятельность в границах которых обеспечивала ей социальное признание.

На основании функциональных характеристик женщины, реализуемых ей в рамках культуры западноевропейского Средневековья, в диссертации были выделены три женских социокультурных типа: жена, чьей основной функцией

являлась поддержка мужчины в границах приватной сферы; монахиня, актуализирующая сферу сакрального; блудница, регулирующая сферу сексуального. Три этих социокультурных типа охватывали всю сферу функциональной предназначённости женщины, определяли необходимость её включения в социум, что позволило нам рассматривать их как основные женские социокультурные типы западноевропейского Средневековья.

Важно отметить, что нарушение функций, выполняемых женщиной в рамках соответствующей её предназначённости института, влекло за собой потерю социального признания. Наиболее многочисленными эти нарушения стали в период Позднего Средневековья, когда демонстрируя стремление к независимости, женщины начали пренебрегать установлениям социальных институтов, соответствующих их предназначённости. Это во многом было сопряжено с изменениями в восприятии свободы, происходящими в конце эпохи: средневековую свободу, отождествляемую с социальной легитимностью, сменила свобода гуманистическая, сопряжённая с независимостью, символизирующая своим появлением переход к качественно новой эпохе Возрождения.

Список источников содержит данные об изданиях и электронных ресурсах, материалы которых были использованы при подготовке диссертации.

Основные выводы и положения диссертационного исследования изложены в следующих публикациях:

1. Букатова Д. М. Христианская концепция брака и её роль в формировании средневековых гендерных идеологий // Знание. Понимание. Умение. - М.: Издательство Московского гуманитарного университета, 2011. - № 4. - С. 253-256 (0,4 п.л.).
2. Букатова Д. М. Трансформация образа проститутки в западноевропейском средневековом сознании // Знание. Понимание. Умение. М.: Издательство Московского гуманитарного университета, 2012. - № 1. - С. 285-290 (0,4 п.л.).
3. Букатова Д. М. Монахиня как средневековый женский социокультурный тип, связанный с «властью-знанием» // Вопросы культурологии. - М.: Издательский дом «ПАНОРАМА», 2012. - № 4. - С. 37-41 (0,4 п.л.).
4. Букатова Д. М. Образ женщины в трудах средневековых мыслителей // Научные труды Московского гуманитарного университета: сб.ст. / под ред. В.К. Криворученко. - М.: Издательство Московского гуманитарного университета «Социум», 2010. - Вып. № 124. - С. 19-28 (0,5 п.л.).
5. Букатова Д. М. Библийские образы Евы, Девы Марии и Марии Магдалины и их роль в формировании гендерных идеологий средневекового Запада // [Электронный ресурс]. Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». - 2010. - № 4. - Культурология (0,8 п.л.).
6. Букатова Д. М. Средневековые представления о женской природе // Материалы XIII научной конференции аспирантов и докторантов Московского

гуманитарного университета. Кафедра философии, культурологии и политологии. Научные труды Московского гуманитарного университета: сб.ст. / под ред. В.К. Криворученко. - М.: Издательство Московского гуманитарного университета «Социум», 2011. - Вып. № 131. - С. 13-18 (0,4 п.л.).

7. Букатова Д. М. Образ «жены» в литературном наследии Позднего Средневековья // Научные труды Московского гуманитарного университета: сб.ст. / под ред. В.К. Криворученко. - М.: Издательство Московского гуманитарного университета «Социум», 2011. - Вып. № 136. - С. 159-166 (0,5 п.л.).

Подписано в печать: 18.10.2012

Заказ № 7724 Тираж - 100 экз.

Печать трафаретная.

Типография «11-й ФОРМАТ»

ИНН 7726330900

115230, Москва, Варшавское ш., 36

(499) 788-78-56

www.autoreferat.ru